

Д. Н. Чудовский

"Новгородки"

**Критический разбор первых
двух выпусков Русской
допетровской нумизматики
графа Ив.Ив.Толстого**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Д11

Д11 **Д. Н. Чудовский**
"Новгородки": Критический разбор первых двух выпусков Русской допетров-
ской нумизматики графа Ив.Ив.Толстого / Д. Н. Чудовский – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 90 с.

ISBN 978-5-458-02413-6

ISBN 978-5-458-02413-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

приобрѣвъ въ 1878 году около 600 Новгородокъ. Въ то время я былъ увѣренъ, что въ мои руки попалъ не тронутый и не расхищенный кладъ; теперь я убѣдился, что это была только третья часть нѣчто цѣлаго, изъ коего около одной трети попало въ Археологическую Коммиссію, а остальное къ другому любителю русской старины.

Какъ бы то нибыло, но кладъ 1878 года былъ причиною, что я особенно занялся Новгородками; я выдѣлилъ ихъ изъ своего общаго каталога монетъ и составилъ имъ самостоятельное описаніе; у меня явилась тогда мысль издать описаніе Новгородскихъ монетъ; я составилъ свою классификацію и началъ собирать историческій матеріалъ для изданія; но въ это время появился трудъ графа Ивана Ивановича Толстаго о монетахъ Великаго Княжества Кіевскаго и я пришелъ къ заключенію, что ничего подобнаго издать не въ состояніи. У меня небыло ни денежныхъ средствъ, ни того свободнаго времени, которыми необходимо было пожертвовать для изданія, хоть маломальски подходившаго къ изданію графа Толстаго.

Въ то время коллекція графовъ Толстыхъ была относительно довольно бѣдна Новгородками, и они занимали въ ней чуть-ли не то-же самое мѣсто какое Новгородки занимали въ каталогахъ Черткова, Шуберта и проч., т. е. графовъ Толстыхъ мало интересовали эти монеты. Дублетты изъ моей коллекціи Новгородокъ были предоставлены въ распоряженіе графовъ Толстыхъ. Выбиралъ для нихъ многоуважаемый Христіанъ Христіановичъ Гиль, который въ то время еще не обращалъ особеннаго вни-

манія на короны, носы и число складокъ одежды князя.—Когда вопросъ былъ рѣшенъ, что графъ Толстой начнетъ свои выпуски русской допетровской нумизматики съ монетъ Великаго Новгорода, я далъ себѣ слово всѣми зависящими отъ меня средствами способствовать этому изданію, до такой степени обрадовала меня вѣсть, что завѣтная моя мечта, изданіе Новгородскихъ монетъ, наконецъ осуществится.—Коллекція моя гостила у графа Толстого болѣе года, мало того, они пожелали пріобрѣсть у меня нѣкоторыя разновидности; я уступилъ имъ до ста штукъ. Я познакомилъ Хр. Хр. Гиля съ господами Андогскимъ и Передольскимъ; отъ перваго онъ пріобрѣлъ до 50-ти штукъ превосходныхъ Новгородокъ; коллекція втораго была въ полномъ распоряженіи графа Толстого; я содѣйствовалъ имъ къ пріобрѣтенію изъ коллекціи г. Стромиллова до 25 штукъ Новгородокъ; однимъ словомъ я сдѣлалъ все отъ меня зависящее, лишь-бы изданіе о Новгородкахъ узрѣло свѣтъ.

Обо всемъ этомъ я упоминаю здѣсь не для того, чтобы приписать себѣ хоть долю содѣйствія къ изданію, или участія въ этомъ превосходномъ трудѣ, но лишь для того, чтобы читатели, а также авторы, поняли мои нижеслѣдующія строки.

На наружномъ видѣ книги нечего и останавливаться; даже лица которыя не интересуются нумизматикою восхищаются роскошью изданія; въ особенности всѣхъ удивляютъ рисунки лицевой стороны и воспроизведеніе надписей оборотной стороны. А если бы они знали о точности этихъ воспроизведеній, о томъ египетскомъ трудѣ, которій понесъ

Хр. Хр. Гиль, при корректурѣ лучшаго въ Петербургѣ рѣзца на мѣди, г. Костелли, то и нашъ собратъ, капунъ нумизматъ, пришелъ бы въ изумленіе.

Приступая къ разбору содержимости труда, считаю нужнымъ оговориться: предметъ этотъ занималъ меня болѣе 30 лѣтъ. а потому, критикуя нѣкоторые выводы графа Ив. Ив. Толстого, я вмѣстѣ съ тѣмъ излагаю свои собственные, которые я напечаталъ бы и тогда, если трудъ графа Толстого вовсе не явился бы на свѣтъ. Выводы мои основаны не только на скудныхъ извѣстіяхъ Новгородскихъ лѣтописей, но и на всемъ историческомъ матеріалѣ, до сихъ поръ только извѣстномъ, относительно исторіи самобытности Новгорода. По этому, если мои строки, касаясь выводовъ автора и покажутся нѣкоторымъ рѣзкими, то предупреждаю, что они вовсе не направлены противу самолюбія молодого ученаго и не рассчитаны на полемику съ его стороны, а ждутъ лишь слова отъ лицъ вполне компетентныхъ въ русской исторіи вообще и въ исторіи Новгорода въ особенности.

При разборѣ труда графа Ивана Ивановича, мы будемъ строго придерживаться принятой имъ послѣдовательности, а потому и скажемъ нѣсколько словъ о порядкѣ нумераціи описанныхъ монетъ.

Всѣхъ монетъ описано 1.123; изъ нихъ изображены по лицевой сторонѣ, на семи таблицахъ 413 монетъ; факсимиле надписей оборотной стороны всѣхъ описанныхъ (т. е. 1.123) монетъ находятся въ каталогѣ самаго описанія, но сверхъ того составлены двѣ таблицы изъ разновидностей этихъ надписей.

при чемъ въ обѣ таблицы вошли 524 надписи; говоря проще, всѣхъ разновидностей по лицевой сторонѣ 413, а по оборотной 524. Болѣе совершеннаго способа изображенія Новгородокъ придумать было нельзя; каждый нумизматъ можетъ найти свой экземпляръ, какъ по лицевой, такъ и по оборотной сторонѣ, или въ состояніи опредѣлить, что находящійся у него экземпляръ не описанъ. Я намѣренно употребилъ здѣсь выраженіе нумизматъ, такъ какъ обыкновенные любители въ этомъ специальномъ трудѣ окажутся какъ въ лабиринтѣ. Одно, что по нашему мнѣнію излишне: это текущая номерація всѣхъ описанныхъ экземпляровъ; номерація эта не принесла пользы собранію Графовъ Толстыхъ, такъ какъ въ ней послѣдовательно пронумерованы и экземпляры не находящіеся въ ихъ коллекціи, да не принесла никакой пользы и остальнымъ любителямъ, а напротивъ еще болѣе испестрило и безъ того пестрый текстъ каталога. Полагаю, что на практикѣ, каждый нумизматъ опредѣливъ свой экземпляръ по лицевой сторонѣ, означить вариантъ оборотной стороны, не найденной въ каталогѣ гр. Толстого, послѣдующимъ номеромъ, т. е. опредѣливъ положимъ Л. 156, поставимъ О. 11, такъ какъ у гр. Толстого приведено только 10 оборотныхъ чекановъ; поставка же номера 420 *a* или 425 *a*, для него будетъ совершенно излишне, такъ какъ можетъ случиться, что штемпель оборотной стороны не подойдетъ ни къ одному изъ описанныхъ вариантовъ надписей. Мы упомянули объ этомъ здѣсь лишь для того, чтобы воздержатъ графа Ивана Ивановича отъ подобной же номераціи въ послѣдующихъ выпускахъ, т. к. оно облегчитъ трудъ и удешевитъ самыя изданія.

Другое неудобство мы находимъ и въ текущей номераціи рисунковъ лицевыхъ сторонъ на таблицахъ. Таблицы VI и VII составляютъ какъ бы прибавленіе къ первымъ пяти таблицамъ, между тѣмъ номерація основныхъ таблицъ перепутана ради этихъ прибавленій. Въ виду сего автору слѣдовало-бы цитируя въ текстѣ номеръ лицевой стороны, каждый разъ приводить и номеръ таблицы, иначе изслѣдователю чрезвычайно трудно слѣдить за его рѣчью. Доказательствомъ упоминаемаго неудобства служить то, что и самъ авторъ сталъ путаться въ своихъ ссылкахъ на номера экземпляровъ и таблицъ, какъ напримѣръ на 23 страницѣ 15 строка сверху, гдѣ ссылка на таблицы не вѣрна.

Мы кажется не ошибаемся въ предположеніи, что авторъ болѣе всего интересовался вопросомъ объ опредѣленіи времени начала чеканки описанныхъ имъ монетъ. По нашему мнѣнію это вопросъ первой важности, такъ какъ предположенія и выводы составляютъ всю суть нумизматики, а въ особенности въ нашей отечественной, покрытою пока кромѣшною тьмою. Всѣ нумизматы и до графа Толстого были того мнѣнія, что Новгородъ началъ чеканить, пока извѣстную намъ, монету въ 1420 году. Нашелся одинъ раскольникъ: это графъ Чапскій; но и тотъ въ своемъ каталогѣ раздѣлилъ лишь Новгородки на чеканенныя во „время самобытія до 1478 года“ и на монеты чеканенныя послѣ покоренія Новгорода, съ 1478 по 1505 годъ, безъ объясненій своихъ предположеній. На чемъ же основано это мнѣніе, даже убѣжденіе? На изрѣченіи лѣтописца, который подъ 1410 годомъ записалъ:

„начаша торговати, промежи себе лобцы и гроши литовскими и артуги нѣмецкими, а куны отложиша“ и подь 1420 годомъ: „начаша Новгородцы торговати деньги серебрянными, а артуги попродаша нѣмцамъ; а торговали ими 9 лѣтъ“.

Вотъ и вся письменная историческая опора, на которой сооружили свое мнѣніе о времени начала чеканки Новгородцами серебрянныхъ монетъ, сперва иностранецъ Шадуръ, потомъ Чертковъ и наконецъ графъ Толстой. Но послѣдній пошелъ дальше, онъ желаетъ насъ убѣдить въ этомъ и другими историческими соображеніями, а именно:

1. Рядомъ другихъ выписокъ изъ лѣтописей и актовъ, начиная съ 1122 года по 1471 годъ.

2. Изслѣдованіями Прозоровскаго.

3. Спискомъ кладовъ съ Новгородками.

Изъ приведенныхъ авторомъ выписокъ изъ лѣтописей и актовъ мы усматриваемъ, что до 1420 года Новгородцы употребляли при денежныхъ счетахъ слѣдующія наименованія: гривна старая, гривна старыхъ кунъ, гривна серебра, гривна, сребро или серебро, полугривна, рубль, ногата, рѣзань, вѣкша, долгѣя, бѣль или бѣлка, бѣлка коженная, куница шерстью и просто куна; послѣднее наименованіе, куна, было самое употребительное. Подь 1410 годомъ прямо сказано: *куны отложиша*.

Въ 1420 году Новгородцы начали торговать серебрянными деньгами, а артуги продали нѣмцамъ. Затѣмъ послѣ 1420 года до 1470 года лѣтописецъ опять ведетъ счетъ на гривны, рубли, куны, мордки, вѣкши и бѣльцы и лишь подь 1470 годомъ, въ первый разъ, встрѣчается счетъ на деньги, употребляя

это слово какъ монетную единицу, но при томъ рядомъ со счетомъ на гривны, рубли, полурубли, куны и бѣли. Въ 1471 году вмѣстѣ со счетомъ на деньги, также упоминаются куны, вѣкши и бѣли.

Изъ приведенной графомъ Толстымъ сравнительной таблицы г. Прозоровскаго, о Новгородскихъ монетныхъ единицахъ XV столѣтія видно, что куна равнялась будто двумъ деньгамъ; что Новгородка вѣсила 4 почки или 18 долей и что по этому куна должна была вѣсить 8 почекъ или 36 долей и т. д. и наконецъ что вѣсь рубля или гривны серебра у него опредѣленъ въ 40 золотниковъ 48 долей.

Изъ списка кладовъ съ Новгородками, находка которыхъ удостовѣрена свѣдѣніями изъ дѣлъ Археологической Коммисіи, усматривается, что такихъ находокъ извѣстно всего девять; изъ нихъ четыре находки состояли исключительно изъ Новгородокъ и псковскихъ монетъ и пять съ примѣсю монетъ московскихъ, московскихъ удѣловъ, тверскихъ и рязанскихъ. Въ двухъ случаяхъ въ находкахъ оказались Новгородскія монеты, какъ времени самобытія, такъ и времени присоединенія Новгорода къ Москвѣ.

На основаніи приведенныхъ данныхъ графъ Ив. Ив. Толстой приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ *):

1. Приведенные имъ цитаты изъ лѣтописи достаточны чтобъ видѣть, что до 1420 года названіе „деньга“ *единственно приложимое* къ описаннымъ

*) Не повторяемъ здѣсь, для краткости изложенія, подробно всѣ выводы автора, а постараемся ихъ формулировать. Дѣлаемъ эту оговорку въ тѣхъ видахъ, чтобы уклониться отъ упрековъ автора въ неточности изложенія.

имъ Новгородскимъ монетамъ, нигдѣ не употреблялось по отношенію къ Новгородской системѣ (?) (стр. 12).

2. Выкладки г. Прозоровскаго, по мнѣнію автора, убѣдительно доказываютъ, что всѣ упоминаемыя въ лѣтописяхъ цѣнности до XV столѣтія не могутъ быть смѣшиваемы съ *деньгами*, начало чеканки которыхъ относится къ 1420 году; что г. Прозоровскій выводя вѣсь ногать, кунъ, мордокъ и т. д. предполагалъ существованіе собственной монеты въ Новгородѣ и до 1420 года, хотя и не отождествлялъ ея съ *деньгами*; что предположеніе г. Прозоровскаго самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергается полнымъ отсутствіемъ вещественныхъ доказательствъ существованія монетъ въ 36, 72 и т. п. долей, которыя могли-бы быть сочтены кунами, четверцами и т. п.; для нумизмата такое соображеніе достаточно вѣско чтобъ получить убѣжденіе, что монеты эти не существовали, а потому и въ виду того, что ни одна изъ упоминаемыхъ до 1420 года цѣнностей не можетъ быть отождествлена съ *деньгами* (Новгородками),—графъ Толстой считаетъ доказаннымъ, *вѣрность лѣтописнаго извѣстія*, что до 1420 года Новгородцы собственной монеты не чеканили.

3. Монеты, время чеканки которыхъ опредѣлимо и которыя найдены совмѣстно съ Новгородками, принадлежатъ къ XV вѣку, что и подтверждаетъ извѣстія лѣтописца о началѣ чеканки денегъ въ Новгородѣ тоже въ XV вѣкѣ.

Не ограничиваясь этими доводами, авторъ желаетъ этотъ странный нумизматическій фактъ объ-

яснить намъ и исторически. При этомъ г-н Толстой оговаривается, что онъ „своимъ объясненіемъ ничего *недоказываетъ*, а лишь желаетъ согласовать фактъ чрезвычайно развитой торговой дѣятельности древняго Новгорода съ фактомъ столь поздняго удовлетворенія экономической потребности въ собственныхъ мѣновыхъ знакахъ“. „Еслибъ мое объясненіе“, продолжаетъ авторъ, „показалось неубѣдительнымъ, то это не должно поколебать въ читателѣ вполне осязательнаго нумизматическаго факта, что Новгородцы дѣйствительно ранѣе 1420 года собственной монеты нечеканили“.

Приведенныя авторомъ историческія объясненія, могутъ быть сведены къ слѣдующему:

1. Вѣчевое устройство Новгородскаго самоуправленія основывалось болѣе на обычаяхъ, чѣмъ на положительныхъ узаконеніяхъ. *При отсутствіи писаннаго закона* и при господствѣ обычая, въ вѣче должны были обозначиться сильные и слабые, почему преобладаніе въ народномъ собраніи издавна получила горсть людей наиболѣе вліятельныхъ, которая пользовалась послушною массою.

2. Новгородскіе бояре, въ сущности оптовые купцы, капиталисты, при вопросѣ о чеканкѣ монетъ должны были преслѣдовать то, что для нихъ было выгодно. Какъ оптовымъ торговцамъ имъ было безполезно заботиться о размѣнной монетѣ; напротивъ имъ было выгоднѣе скрывать истинную цѣнность товаровъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ, предлагавшихся на мѣну; выпускъ размѣнной монеты могъ только способствовать развитію мелкой торговли, что было скорѣе не въ ихъ интересахъ.

Сами богачи не нуждались въ размѣнной монетѣ, такъ какъ получали все нужное изъ своихъ помѣстій. Тѣмъ не менѣе авторъ допускаетъ употребленіе Новгородцами иноземной размѣнной монеты, какъ иностранной, такъ и русской внутреннихъ областей. Этому бояре не могли помѣшать, но идти на встрѣчу *потребности*, начавъ чеканить собственную монету, себѣ въ ущербъ, имъ не было нужды.

3. Въ началѣ XV вѣка, по разсказу автора, положеніе бояръ мѣняется; крупная торговля стала мельчать, а вмѣстѣ съ нею уменьшилось и вліяніе знати на народномъ собраніи. Нужда въ мелкой размѣнной монетѣ, возникшая для власти имѣющихъ, уже болѣе не столь богатыхъ и желаніе новыхъ родовъ *угодить толпу*, могли быть достаточными причинами для того, чтобы послѣдовать примѣру остальной Руси, заведшейся уже почти повсемѣстно монетою собственнаго чекана. Автору кажется, что выпущенными деньгами могли быть довольны обѣ политическія партіи Новгорода — какъ сторонники Москвы, такъ и самобытники. И вотъ для удовлетворенія обоихъ партій бояре придумали такую монету: на одной сторонѣ самъ великій князь, принимающій даръ или подать, а на другой лаконическая, но гордая надпись: „*Великаго Новгорода*“.

4. Принявъ такое объясненіе отсутствія денегъ до 1420 года, самъ авторъ однако поражается, какъ это всѣ Новгородцы по ганзейскимъ извѣстіямъ очень цѣнившія иностранныя деньги, лишь въ 1410 году вдругъ порѣшили торговать лобцами и артугами, а черезъ 10 лѣтъ, также внезапно, начинаютъ чеканить собственныя деньги, перепродавъ всѣ свои